

УДК 347.15:004.8

А. А. Богустов, кандидат юридических наук, доцентУчреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»,
пер. Доватора, 3/1, 230012 Гродно, Республика Беларусь, bogustov_aa@grsu.by

О ВОЗМОЖНЫХ МЕХАНИЗМАХ ОХРАНЫ ПРАВА ГРАЖДАНИНА НА ГОЛОС В НАЦИОНАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В статье исследуется проблема гражданско-правовой охраны голоса гражданина в контексте развития технологий искусственного интеллекта, позволяющих создавать высококачественные голосовые фабрикация. Автор констатирует, что существующие правовые механизмы, такие как защита персональных данных и смежных прав исполнителей, не обеспечивают комплексной защиты от несанкционированного использования и фабрикация голоса. На основе сравнительно-правового анализа доказывается, что право на голос по своей юридической природе, субъектному составу, порядку использования и механизму защиты практически идентично праву на изображение. Делается вывод о нецелесообразности закрепления права на голос в качестве самостоятельного нематериального блага. Вместо этого предлагается охранять голос гражданина в рамках расширения содержания права на изображение, что также будет способствовать признанию последнего в белорусском законодательстве. Подчеркивается, что законодательство о персональных данных не может в полной мере решить проблему охраны права гражданина на голос.

Ключевые слова: право на голос; нематериальные блага; искусственный интеллект; гражданско-правовая охрана; право на изображение; цифровая фабрикация.

Библиогр.: 16 назв.

A. A. Bogustov, PhD in Law, Associate ProfessorInstitution of Education “Yanka Kupala State University of Grodno”,
3/1 Dovatora Lane, 230012 Grodno, the Republic of Belarus, bogustov_aa@grsu.by

ON POSSIBLE MECHANISMS FOR PROTECTING A CITIZEN'S RIGHT TO A VOICE IN THE NATIONAL LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

The article examines the issue of civil law protection of a citizen's voice in the context of the development of artificial intelligence technologies that enable the creation of high-quality voice fabrications. The author states that existing legal mechanisms, such as the protection of personal data and related rights of performers, do not provide comprehensive protection against unauthorised use and fabrication of voice. Based on comparative legal analysis, it is argued that the right to a voice is virtually identical to the right to an image in its legal nature, subject composition, manner of use and protection mechanism. The conclusion is drawn that it is inappropriate to enshrine the right to a voice as an independent intangible asset. Instead, it is proposed to protect a citizen's voice by expanding the content of the existing right to an image, which will also contribute to the recognition of the latter in Belarusian legislation. It is emphasised that personal data legislation cannot fully solve the problem of protecting a citizen's right to a voice.

Key words: right to voice; intangible assets; artificial intelligence; civil law protection; right to image; digital fabrication.

Ref.: 16 titles.

Введение. В статье, опубликованной ранее [1, с. 103—107], автор исследовал необходимость признания права на изображение в качестве личного неимущественного права, поскольку механизмы охраны персональных данных лишь частично способны обеспечить интересы граждан в этой сфере.

При этом с нерешенностью вопроса о защите права на изображение в белорусском законодательстве связана еще одна проблема, возникшая в последние годы в связи с развитием цифровых технологий и, в частности, искусственного интеллекта (далее — ИИ). Она состоит в неопределенности правового режима голоса гражданина. В этой связи можно согласиться с мнением Д. Е. Богданова, отмечавшего, что «очередная технологическая революция становится триггером в развитии концепции нематериальных благ человека» [2, с. 685].

Необходимость нормативного определения права гражданина на голос признается на международном уровне. Об этом свидетельствует Проект концептуального документа по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта [3], который акцентирует внимание на необходимость уяснения природы объектов, созданных в результате использования технологии цифровой фабрикации, представляющей собой «генерирование сфабрикованных образов людей и их отличительных особенностей (включая, например, их голос и внешность)» (п. 14).

В этой связи заслуживает внимания точка зрения П. В. Бахметьева, который указывал: «До недавних пор голос человека было практически невозможно подделать. Возможны были варианты пародирования голоса, подбора похожих голосов, либо монтажа заранее записанного голоса. Но, с появлением “обучаемых” нейронных сетей, появилась возможность создавать модели на основе индивидуального голоса человека, с помощью которых, нейронная сеть может синтезировать голос и интонацию человека» [4, с. 185].

Приведенное теоретическое положение подтверждается рядом практических примеров. Например, Союз дикторов России предлагал урегулировать использование синтезированного ИИ голоса, поскольку «дикторы сталкиваются с проблемой потери прав на собственный голос и кражей голосов» [5]. Согласно опубликованным в 2025 году результатам исследований зарубежных ученых [6], люди уже не могут отличать сгенерированные ИИ голоса от голосов реальных людей. Был сделан вывод об отсутствии статистически значимой разницы в способности различать голос, принадлежащий человеку, от его копии, созданной ИИ.

Это свидетельствует о том, что нормативное закрепление права гражданина на голос является актуальным и для отечественного законодательства. Однако существует проблема определения наиболее эффективного механизма охраны этого права. Этот вопрос осложняется тем, что единый подход к определению характера этого нематериального блага еще не сформирован, а национальные правовые системы, в том числе государств евразийского региона, предпринимают лишь первые шаги по его нормативному закреплению. Сказанное определяет актуальность и практическую значимость проводимого в настоящей работе исследования для определения возможных путей развития гражданского законодательства Республики Беларусь.

Объектом настоящего исследования выступает гражданско-правовой режим охраны нематериальных благ в условиях развития цифровых технологий.

Предмет исследования составляет право гражданина на голос как самостоятельное личное неимущественное право и поиск оптимального механизма его защиты в гражданском законодательстве Республики Беларусь.

Материалы и методы исследования. Среди научных работ, посвященных анализу сущности права гражданина на голос, следует отметить труды А. А. Бабенко [7, с. 183—202], П. В. Бахметьева [2, с. 184—188], А. Р. Будника [8, с. 49—66], А. Г. Матвеева и Е. Ю. Мартыновой [9, с. 118—131]. Они составили теоретическую основу проведенного в настоящей статье исследования.

Автор настоящей работы ранее также обращался к проблематике права гражданина на голос [10, с. 14—18], однако эта публикация, сделанная на основе доклада на конференции, по определению не могла носить комплексного характера и отразить всю совокупность существующих в рассматриваемой области проблем.

При написании статьи автором были использованы сравнительно-правовой, формально-юридический (догматический), теоретико-правовой и системный методы научного исследования.

В качестве нормативной базы проведенного исследования автор использовал белорусское законодательство о защите персональных данных. Для проведения сравнительно-правового анализа использовались нормативные акты постсоветских стран, содержащие положения, относящиеся к определению права гражданина на голос.

Результаты исследования и их обсуждение. Решение вопроса о выборе наиболее эффективной модели защиты права гражданина на голос осложнено тем, что общепринятого подхода к определению его характера на настоящий момент еще не выработано, а национальное законодательство постсоветских стран делает лишь первые шаги по его закреплению. В качестве примера практической реализации нормативного закрепления права на голос можно упомянуть ст. 45 Гражданского кодекса Республики Молдова [11]. В ней установлено, что изображение гражданина включает в себя как внешний вид, так и голос лица. В этом случае охрана права лица на голос осуществляется путем расширения содержания права на изображение.

Право на голос все чаще начинает рассматриваться как самостоятельное неимущественное право гражданина. Видится, что его охрана по общему правилу не может быть осуществлена средствами права интеллектуальной собственности. Например, несмотря на некоторое внешнее сходство, запрет на фабрикацию голоса не может быть осуществлен в рамках охраны права исполнителя на исполнение. Это смежное право представляет собой «совокупность прав личного характера (личное неимущественное право), а также имущественное право, которым пользуются его обладатели в силу того, что они исполняют литературные, драматические или музыкальные произведения» [12, с. 313]. Следовательно, право на исполнение, как смежное право, существует в отношении представления, которое фактически имело место, а фабрикация ИИ голоса создает исполнение, которого в действительности не было. В этом случае ключевое значение приобретает необходимость охраны голоса как такового.

Для развития национального законодательства Республики Беларусь в этой области представляет интерес анализ проекта Федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» [13], предусматривающего дополнение Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) ст. 152.3 «Охрана голоса гражданина» (далее — Проект ГК). Необходимость его принятия объясняется тем, что технология синтеза речи массово используется «при озвучивании контента (аудиовизуальные произведения, лекции, аудиокниги, подкасты, клипы, музыкальные произведения), автоматизации работы операторов кол-центров, голосовых систем навигации и голосовых помощников».

Потребность в рассмотрении этого документа вызвана высокой степенью гармонизации гражданского законодательства Беларуси и России, а также ходом интеграционных процессов в рамках Союзного государства и ЕАЭС.

Необходимо обратить внимание на то, что авторы Проекта ГК исходят из сходства права на голос и права на изображение, указывая в пояснительной записке к нему, что охрана голоса как объекта личных неимущественных прав предоставляется «по аналогии с изображением гражданина». Это порождает вопрос: не являются ли эти права идентичными? Не приведет ли вступление Проекта ГК в законную силу к искусственному увеличению числа охраняемых объектов?

Значительное сходство права на изображение и права на голос, приводящее к их практически полному совпадению, подтверждается, на наш взгляд, подобием субъективных прав их обладателей.

Во-первых, в п. 1 ст. 152.3 Проекта ГК закреплено, что обнародование и дальнейшее использование голоса гражданина (в том числе записи, в которой он содержится, или записи, в которой содержится воссозданный с помощью специальных технологий голос гражданина), допускаются только с согласия этого гражданина. Анализ этого положения показывает, что оно практически идентично правилам об охране изображения гражданина.

На право гражданина на изображение распространяются общие положения о нематериальных благах. Из анализа действующего законодательства (например, п. 1 ст. 150 ГК РФ [14]) следует, что, как и любые нематериальные блага, это право принадлежит гражданину, является неотчуждаемым и непередаваемым иным способом. А ст. 152.1 ГК РФ устанавливает, что использование изображения гражданина возможно лишь с его согласия.

Следовательно, содержания права гражданина на изображение и права на голос совпадают по субъектному составу и порядку использования.

Во-вторых, в п. 1 ст. 152.3 Проекта ГК закрепляется порядок использования голоса гражданина после его смерти. В частности, предусмотрено, что после смерти гражданина его голос может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии — с согласия родителей. И этот элемент права на голос полностью совпадает с содержанием права на изображение. Например, из п. 1 ст. 152.1 ГК РФ следует, что после смерти гражданина его изображение может использоваться только с согласия детей и пережившего супруга, а при их отсутствии — с согласия родителей.

В-третьих, как было указано выше, из п. 1 ст. 152.3 Проекта ГК следует, что основанием использования голоса является согласие гражданина. И это правило, на наш взгляд, не содержит каких-либо положений, существенно отличающихся от положений законодательства о праве лица на изображение.

В-четвертых, анализ п. 1 ст. 152.1 ГК РФ и п. 1 ст. 152.3 Проекта ГК приводит к выводу о том, что случаи допустимого использования изображения и голоса без согласия гражданина полностью совпадают: использование в государственных, общественных или иных публичных интересах, фиксация этих объектов в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях, запись этих объектов за плату.

В-пятых, в пп. 2, 3 ч. 2 ст. 152.3 Проекта ГК предусмотрены последствия нарушения права гражданина на голос. Они состоят в том, что изготовленные в целях введения в гражданский оборот, а также находящиеся в обороте экземпляры материальных носителей, содержащие голос гражданина, полученные или используемые с нарушением законодательства, подлежат на основании судебного решения изъятию из оборота и уничтожению без какой бы то ни было компенсации.

Кроме того, гражданин вправе требовать удаления записи, а также пресечения или запрещения ее дальнейшего использования и распространения, если голос гражданина, полученный или используемый с нарушением установленных правил, распространен в сети Интернет.

Анализ последствий неправомерного использования голоса приводит к выводу, что они не отличаются от установленного в действующем законодательстве порядка защиты нарушенного права гражданина на изображение (пп. 2, 3 ст. 152.1 ГК РФ).

Следовательно, право гражданина на голос и изображение по характеру охраняемых прав, механизму охраны и неблагоприятным последствиям нарушения полностью совпадают. Основные идеи регламентации права гражданина на изображение и голос аналогичны и состоят в том, что эти объекты охраняются независимо от формы, характера и технических характеристик их фиксации и воспроизведения, а также целей использования. Более того, эти права имеют одинаковую ценность для их обладателя — голос человека столь же оригинален, как и его внешний облик, и в той же степени индивидуализирует его. Необходимо учитывать, что нарушения этих прав могут происходить в результате одного и того же действия: распространения видеозаписи либо генерации цифровой копии личности.

Исходя из сказанного выше, можно сделать важный для развития законодательства Республики Беларусь вывод о том, что предоставление охраны голосу гражданина может осуществляться лишь в комплексе с правом на изображение, что служит еще одним аргументом в пользу признания последнего в качестве самостоятельного права в национальном законодательстве.

При решении вопроса о необходимости закрепления самостоятельного характера права на голос следует учитывать, что отдельные положения, направленные на его охрану, содержатся в Законе Республики Беларусь «О защите персональных данных» [15] (далее — Закон). Но это само по себе не дает основания говорить о том, что право гражданина на голос может быть урегулировано исключительно в рамках законодательства о персональных данных. Это связано с тем, что в ряде случаев использование голоса гражданина без его согласия выходит за рамки действия этого Закона. Можно говорить о том, что проанализированные ранее

автором настоящей статьи ограничения возможностей применения положений законодательства о персональных данных к праву гражданина на изображение [1, с. 103—107] в полной мере будут относиться и к праву на голос.

Это можно проиллюстрировать следующим примером. Закон в ст. 1 закрепляет понятие общедоступных персональных данных, которые «распространяются самим субъектом персональных данных либо с его согласия или распространяются в соответствии с требованиями законодательных актов». Существование подобного объекта «обусловлено возможностью фактически любого лица получить доступ к таким данным. В этой связи Законом установлен “облегченный” правовой режим обработки таких данных» [16]. Например, из абзаца 19 ст. 6 Закона следует, что такие данные могут обрабатываться без получения согласия субъекта персональных данных. Это фактически выводит из круга охраняемых Законом объектов голоса певцов, актеров, дикторов и дает возможность обрабатывать их голоса в качестве персональных данных без получения дополнительных разрешений. Очевидно, что использование этих объектов в целях создания голосовых фабрикаций будет нарушать интересы этих лиц.

Заключение. На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Развитие технологий ИИ создало реальную угрозу несанкционированного использования и фабрикация голоса человека, что требует закрепления правовых механизмов его защиты. Действующие правовые институты (защита персональных данных, смежные права исполнителей) не способны обеспечить полную и эффективную охрану голоса гражданина от новых рисков, таких как цифровая фабрикация.

Сущностные черты права гражданина на голос и изображение совпадают. Это с доктринальной точки зрения позволяет трактовать право на голос в качестве одного из элементов права гражданина на изображение. Признание права гражданина на голос законодательством Республики Беларусь возможно лишь в случае закрепления права на изображение в качестве самостоятельного личного неимущественного права.

Список цитируемых источников

1. Богустов, А. А. Право гражданина на изображение и защиту персональных данных: вопросы соотношения / А. А. Богустов // Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2025. — № 1 (17). — С. 103—107.
2. Богданов, Д. Е. Технодетерминизм в частном праве: влияние биопринтинга на развитие концепции защиты права на цифровой образ / Д. Е. Богданов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. — 2020. — Вып. 50. — С. 678—704.
3. Проект концептуального документа по вопросам, касающимся политики в области интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта : подгот. Секретариатом ВОИС 13 дек. 2019 г. WIPO/IP/AI/2/-GE/20/1. — URL: https://www.wipo.int/meetings/ru/doc_details.jsp?doc_id=470053 (дата обращения: 23.10.2025).
4. Бахметьев, П. В. Охрана индивидуального голоса человека: отечественный и зарубежный опыт / П. В. Бахметьев // Право и практика. — 2023. — № 4. — С. 184—188.
5. Союз дикторов России предложил урегулировать использование синтезированного ИИ голоса // Информационное агентство ТАСС. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/16900829> (дата обращения: 23.10.2025).
6. Voice clones sound realistic but not (yet) hyperrealistic / N. Lavan, M. Irvine, V. Rosi, C. McGettigan // PLoS One. — 2025. — 20 (9). — URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12459763> (дата обращения: 23.10.2025).
7. Бабенко, А. А. Правовая охрана голоса человека в условиях распространения голосовых генеративных нейросетей: опыт США, Китая и России / А. А. Бабенко // Объекты гражданских прав: юридические исследования в цифровую эпоху : коллектив. моногр. / рук. и науч. ред. М. А. Рожкова. — М., 2025. — Вып. 20. — С. 183—202.
8. Будник, А. Р. Просодия как элемент правовой охраны голоса гражданина / А. Р. Будник // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). — 2025. — Т. 53, № 2. — С. 49—66.
9. Матвеев, А. Г. Гражданско-правовая охрана голоса человека при его синтезе и последующем использовании / А. Г. Матвеев, Е. Ю. Мартыанова // Ex jure. — 2023. — № 3. — С. 118—131.
10. Богустов, А. А. К вопросу об охране права гражданина на голос в условиях развития искусственного интеллекта / А. А. Богустов // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики — 2024 :

сб. докл. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. — Ростов н/Д. ; Таганрог : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2024. — С. 14—18.

11. Гражданский кодекс Республики Молдова. Книга первая. Общие положения от 6 июня 2002 г. № 1107-XV : с изм. и доп. по сост. на 22 мая 2025 г. — URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397878 (дата обращения: 23.10.2025)

12. *Липчик, Д.* Авторское право и смежные права / Д. Липчик ; пер. с фр. ; предисл. А. Федотова. — М. : Ладомир : ЮНЕСКО, 2002. — 788 с.

13. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации : проект федер. закона. — URL: https://storage.consultant.ru/site20/202409/17/pr_170924_834.pdf (дата обращения: 23.10.2025).

14. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ : с изм. и доп. по сост. на 31 июля 2025 г. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 23.10.2025).

15. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 : с изм. и доп. от 1 июня 2022 г. № 175-3. — URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h12100099&q_id=2520417 (дата обращения: 23.10.2025).

16. Постатейный комментарий к Закону Республики Беларусь «О защите персональных данных» : по сост. на 23 февр. 2023 г. / А. А. Гаев, В. И. Диско, С. В. Задиран [и др.]. — URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u02300536&q_id=1986233 (дата обращения: 23.10.2025).

Поступила в редакцию 18.05.2026.